

К. К. Зельин

ОЛИМПИОНИКИ И ТИРАНЫ

Для греческого мира уже в VI в. до н. э. характерны два явления: с одной стороны, сильное развитие партикуляризма, цепкое отстаивание своей самостоятельности каждым из бесчисленных городов-государств и, с другой стороны, наличие институтов, объединявших в какой-то мере эти государства, наминавших им о связи, существовавшей между ними, признание некоторых общеэллинских учреждений и обычаев. Одним из таких, объединявших всех эллинов, пусть на короткое время, институтов были общегреческие религиозные празднества и связанные с ними состязания.

Среди них важнейшее место занимали жертвоприношения Зевсу в Олимпии и общегреческие состязания, устраиваемые после религиозной церемонии. Ф. Ф. Зелинский когда-то заметил¹, что было бы неправильно сравнивать древнегреческих поэтов, прославившихся своими стихотворениями в честь победителей на Олимпийских играх и в честь коней, одержавших эту победу, с современным поэтом, который написал бы стихи для прославления лошади, взявшей первый приз на скачках в Дерби. И действительно, при таком сопоставлении сразу делается ясным, что перед нами явления совершенно разного рода. И дело не только в том, что Олимпийские игры были понятны и близки сердцу каждого грека, а не одним лишь представителям зажиточного меньшинства, и не в наличии в древности религиозного момента, но и в том, что празднества, совершавшиеся в Олимпии с такой торжественностью каждые четыре года, имели не одно религиозное, но и политическое значение. При тесной связи, которая существовала в античности между государством и религией, это вполне понятно.

Общее значение Олимпийских состязаний для греков выступает достаточно ясно в одном из рассказов Геродота, где идет речь о прибытии в Египет пестников от элидян. Эти вестники хвалились, что они из всех людей наисправедливейшим и прекраснейшим образом организовали состязания в Олимпии, и думали, что и египтяне, мудрейшие из людей, не смогли бы изобрести ничего другого (Herod., II, 160).

Но еще важнее другое известие, относящееся к тому времени, когда над Элладой нависла страшная угроза. Полчища персов находились уже на греческой земле. Казалось бы, все другие соображения должны были

¹ Ф. Ф. З е л и н с к и й, Из жизни идей, I, СПб., 1916, стр. 56 сл.

отойти на задний план перед мыслью о необходимости сосредоточить все силы для отпора врагу. Но греки действуют иначе. Спартанцы отправляют царя Леонида с небольшим отрядом в Среднюю Грецию, обрекая его на верную гибель. Выступить же со всеми силами они предполагают после: «(теперь) им мешало Карнейское празднество». И такие же намерения, прибавляет Геродот, были и у прочих союзников, так как одновременно происходил праздник в Олимпии (VII, 206). Таким образом, даже настоящая военная пужда не могла отвлечь эллинов от религиозного торжества (может быть, намеки на эти события содержатся у Фукидида ²).

Победе на Олимпийских играх придавалось в VI в. до н. э. огромное значение: победитель становился первым человеком своего полиса не только в сознании своих сограждан, но и всех греков. Вспомним, что ожидало олимпионика по возвращении на родину: торжественную встречу при его въезде в город, шествие к храму Зевса, пир, привилегии, которые получал победитель, статуи, воздвигавшиеся в его честь, оды, заказанные лучшим поэтам своего времени, легенды, создававшиеся вокруг его имени, божеские почести, иногда оказываемые ему ³. Все это объясняется не только пристрастием эллинов к спортивным состязаниям, но имеет другой, более глубокий смысл. Поэтому при изучении политической истории архаической Греции нельзя пройти мимо вопроса об олимпиониках, тем более что в источниках мы находим интересные в этом отношении известия.

Однако, прежде чем рассматривать эти известия, необходимо представить себе, что сделано в науке по вопросу об олимпиониках. С пробуждением в Греции интереса к изучению прошлого начали наряду с другими данными собирать материал об Олимпийских играх и составлять списки олимпиоников. Известно, что этим занимался (в конце V в. до н. э.) логограф и аттидограф Гелланик. Впоследствии эту работу продолжали авторы IV в. и позднейшего времени. Многочисленные известия о победителях содержатся также в трудах Геродота, Павсания и других.

В XIX в. все данные об олимпиониках были подвергнуты научному изучению в работе Ферстера ⁴, а в недавнее время список победителей на Олимпийских играх был пересмотрен и дополнен Моретти ⁵.

Как бы ни репать вопрос об исторической достоверности этого списка, в особенности в той его части, которая относится к древнейшему времени (VII — началу VI в. до н. э.), все же в целом сведения, сохранившиеся в нем, несомненно, дают живое представление о составе победителей на состязаниях, хотя во многих случаях и возникают сомнения относительно имени олимпионика, вида состязаний и (особенно часто) даты победы. Даже такой скептически настроенный исследователь, как Белох, считает, что приблизительно с 50-й олимпиады (580 г. до н. э.) ведет свое начало запись имен победителей. Что касается V в., то список победителей этого времени, согласно Белоху, «совершенно достоверен» ⁶.

В общем мы имеем основание рассматривать список олимпиоников, по крайней мере с начала VI в., как исторически ценный материал, даже

² Th u c., I, 70, 8; ср. V, 54, 2.

³ Ср. P a u s., III, 15, 7: культ Гипсофена, многократно выходившего победителем из состязаний в борьбе.

⁴ H. F ö r s t e r, Die Sieger in den Olympischen Spielen bis zur Ende des 4 Jh. v. Chr., Zwickau, I—1891, II—1892.

⁵ L. M o r e t t i, Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici, Roma, 1957.

⁶ C. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, I, 2, B.—Lpz, 1926, стр. 418 сл.; ср. F. J a c o b y, Attic the Local Chronicles of Ancient Athens, Oxf., 1949, стр. 58 сл., 281 сл. Отношение Якоби к вопросу о достоверности списка олимпиоников, как он сам замечает, с течением времени стало более критическим (ук. соч., стр. 353, прим. 3).

если и допустить, что в него были позднее внесены более или менее произвольные данные (например, имена, заимствованные из мифологии, или датировки более ранним временем (Килон, Мирон), как думает Белох (ук. соч., стр. 154), мнение которого, впрочем, не разделяет в настоящее время большинство исследователей).

Известия об олимпиониках могут получить различное истолкование в зависимости от взглядов на характер и значение Олимпийских состязаний, начало которых восходит к глубокой старине. В VI в. до н. э. они давно уже стали одним из существенных моментов в религиозной, культурной и политической жизни Эллады, и то или иное понимание их значения не может не бросить свет и на особенности политической борьбы в греческих государствах этого времени.

Каково бы ни было происхождение Олимпийских состязаний — связаны ли они с погребальными обрядами⁷, или с периодической борьбой царей-магов за власть⁸, или, наконец, с культом Зевса как бога войны⁹ — в VI в. победа на этих играх имела сильный политический резонанс. Гардинер, являющийся горячим противником религиозной теории происхождения Олимпийских состязаний, прав в известной мере в своей критике попыток истолковывать многие обычаи или обряды позднейшего времени, притом существовавшие не только в Олимпии, как доказательство в пользу этой теории. Но то, что он отрицает религиозный характер состязаний и утверждает, что их происхождение не связано с религией, представляется малоубедительным, — особенно в свете того огромного сравнительно-исторического материала, который был собран Фрэзером по вопросу о различных способах передачи царской власти. Но нас в связи с дальнейшим изложением интересует не столько вопрос о происхождении и первоначальном характере Олимпийских игр, сколько о том, чем они были в VI в. до н. э.

Этот век был периодом быстрого роста их известности и значения по сравнению с предшествующим временем. Свидетельством этого служат прежде всего произведения искусства. Бизли¹⁰ считает, что возрастающий интерес к Олимпийским состязаниям — одна из характерных черт аттической вазовой живописи второй четверти VI в.: об этом говорят, например, изображения на чаше богини победы, юношей с поднятыми руками, приветствующих победителя, и проч. Схолии к первой Олимпийской оде Пиндара поясняют слова поэта (Ol., I, 151 a) — τὸ δὲ κλέος τηλόθεν δέδορκεν — таким образом: «повсюду устремляют взоры к Олимпийским состязаниям и прославляют (их)»¹¹.

Поэтому заслуживают внимания известия древних авторов относительно той угрозы, которую представлял победитель в состязаниях для местного правителя. Гардинер (ук. соч., стр. 97 сл.) лишь упоминает о Каллии, старшем Мильтиаде и Кимоне, сыне Стесагора, — победителях на Олимпийских состязаниях — в связи с выяснением вопроса о том, в каких состязаниях могли принимать участие только представители знати и как тесна была связь между Афинами и Олимпией при Писистрате. Однако тот факт, что победитель на состязаниях являлся как бы сопер-

⁷ W. Ridgeway, *Origin of Tragedy*, Cambr., 1910, стр. 36.

⁸ J. G. Frazer, *The Golden Bough. The Magic Art and the Evolution of Kings*, L., 1922, стр. 299 сл.; F. M. Cornford в кн. E. J. Harrison, *Themis*, Cambr., 1927, гл. VII. «The Origin of the Olympia Games», стр. 212 сл.

⁹ E. N. Gardiner, *Olympia, Its History and Remains*, Oxf., 1925, стр. 69.

¹⁰ J. D. Beazley, *Potter and Painter in Ancient Athens*, L., 1946, стр. 22.

¹¹ Scholia vetera in Pindari carmina, rec. A. B. Drachmann, I — Schol. in Ol., Lpz, 1903: τοῦτέστι πανταχῇ βλέπεται καὶ βοᾷται ὁ Ὀλυμπιακὸς ἄγων.

ником местного правителя, претендентом на власть в родном полисе, заслуживает пристального изучения.

В Олимпийских состязаниях теоретически мог принимать участие каждый желающий из эллинов (Herod., II, 160), но фактически они были доступны для людей зажиточных, а состязания в беге на колесницах — только для богатей-аристократов или тиранов: слишком велики были расходы на содержание лошадей, на подготовку к бегу и проч.¹² Таким образом, в период господства аристократии Олимпийские игры делались как бы ареной, на которой проявлялось соперничество не только знати разных полисов, но и знатных родов внутри полиса. Можно выразиться точнее: победитель в беге на колесницах в Олимпии был потенциальным претендентом на власть в родном городе, возможным тираном. И, наоборот, тираны, уже захватившие власть, стремились одержать верх в состязаниях в Олимпии или на Пифийских празднествах (имеем в виду в особенности бег колесниц) и нередко, располагая огромными средствами, оказывались победителями. Геродот рассказывает, что еще аргосский тиран Фейдон, которому он дал такую нелестную характеристику (Фейдон, по его словам, «наглостью превосходил всех эллинов»), был заинтересован в руководстве Олимпийскими состязаниями. Действовал этот тиран весьма активно: он выгнал элейских устроителей состязаний и присвоил себе право судить состязающихся (Herod., VI, 127).

Связь между тиранами и олимпиониками легко может быть установлена, если проследить список олимпиоников конца VII—VI в. до н. э. Уже Мирон Сикионский, дед Клисфена, одержал в конце VII в. победу в состязаниях на колесницах (τέθριππον). Его внук Клисфен, породнившийся с Алкмеонидами (он отдал свою дочь замуж за Мегакла, сына Алкмеона), по-видимому, придавал большое значение участию в общегреческих состязаниях. Он оказался победителем в 576 или 572 г.¹³

К концу VII или началу VI в. относится единоборство (из-за обладания Сигеем) Питтака, тирана Митилены, и афинянина Фринона, победителя в панкратии. Помимо Клисфена Сикионского, и другие тираны принимали участие в состязаниях — Писистрат, сицилийские тираны Гиерон, Гелон, Ферон, тиран Акраганта, царь Кирены Аркесилай IV. Интересна в этой связи и история спартанского царя Демарата, вынужденного впоследствии бежать из Спарты. Правда, причина бегства Демарата, согласно Геродоту, была совершенно иная: оскорбление со стороны другого царя, Леотихида (Herod., VI, 67). Но здесь могло быть и затемнение традиции. Во всяком случае Демарат-олимпионик — личность необыкновенная: в разговоре с матерью он, призывая Зевса Геркея, хранителя его дома, просит открыть ему тайну его рождения, и далее выясняется, что его отцом был бог. Олимпиоником, может быть, был и тесть царя Леотихида, врага Демарата, Диакторид¹⁴.

Олимпионик — частное лицо — возбуждал опасения тирана настолько серьезные, что иногда для устранения победителя — и, очевидно, соперника — прибегали даже к убийству. Подобный случай можно встретить в истории Афин VI в. Соответствующие известия — лишняя черточка в быту того времени, характеризующая острое соперничество знатных родов.

Обратимся теперь к сообщениям о первой попытке установить тиранию в Афилах. Эта попытка принадлежала Килону. Ее дата и в настоящее

¹² Cp. Schol. ad Pind., Ol., I, к стк. 16: τὸ ἰκποτροφεῖν πλουσίων.

¹³ Herod., VI, 126; Moretti, ук. соч., № 96, почему-то ссылается на Paus., X, 7, 7, который говорит о победе Клисфена, но в Пифийских состязаниях (Paus., X, 7, 6).

¹⁴ Herod., VI, 71; Moretti, ук. соч., № 278.

время остается еще спорной¹⁵. Но для нашей цели точное определение даты не имеет решающего значения. Все же последовательность изложения у древних авторов и соображения общ исторического характера побуждают отнести это событие к периоду до Солона, хотя в позднейших известиях и могли оказаться неточности или анахронизмы (например, демотикон Мирона).

Наиболее важным является известие Фукидида. Он рассказывает о Килоне в связи с требованием лакедемонян изгнать из Афинского государства лиц, виновных в колунизме по отношению к богине Афине. Как и у Геродота, при первом упоминании о Килоне у Фукидида говорится, что он был олимпионом¹⁶. Килон принадлежал к древнему знатному роду и обладал богатством. Женат он был на дочери мегарского тирана Феагена. Далее следуют любопытные подробности о подготовке и назначении срока выступления. Дельфийский оракул дал Килону прорицание: последний должен был захватить акрополь во время величайшего праздника Зевса. Разыгрывается история в стиле многочисленных историй этого времени, переданных нам Геродотом. Килон неверно понял оракула, решив, что тот имеет в виду праздник Зевса в Олимпии. Он получил войско от Феагена и убедил друзей действовать вместе с ним. Килон, как пишет Геродот (V, 71), «привлек сверстников в гетерику» — первое упоминание о гетерии, относящееся к архаическому периоду. Когда наступил день праздника, Килон захватил акрополь с тем, чтобы стать тираном, полагая, что это и есть величайшее празднество Зевса и что оно имеет ближайшее отношение к нему, как победителю на Олимпийских состязаниях (Thuc., I, 126, 5).

Попытка, как известно, кончилась неудачей: лишь Килону и его брату удалось бежать, остальные его сторонники были перебиты. Ему казалось, что он действовал согласно указанию, полученному из Дельф, на самом же деле в предсказании не было сказано, где праздник является величайшим — в Аттике или в другом месте: ведь и в Аттике существовал «величайший праздник Зевса Мейлихия», называвшийся *Μεγίστη*. Таким образом, первая попытка установить тиранию в Афинах связана, как это видно из сообщений о Килоне, с Олимпийскими играми двояким образом: 1) Килон — олимпионик; 2) он захватывает акрополь в день Олимпийского празднества. Вспомним также, что и мрачное для афинян предсказание о грозившей им тирании отца Писистрата получил также в Олимпии, во время жертвоприношения (Herod., I, 59).

С этой точки зрения интересно рассмотреть отношения Писистратидов, Филаидов и Алкмеонидов. Все они принадлежат к самым знатным родам Аттики, богаты и пользуются огромным влиянием. Когда в Афинах вся власть (*πᾶν κράτος*) принадлежала Писистрату, своим могуществом выдавался также Мильтиад, сын Кипсела, который вел свое происхождение от Эака с острова Эгины. Наиболее выдающиеся в политическом отношении знатные роды Аттики (ср. Килон, Алкмеониды) стремились поддерживать дружественные отношения с тиранами и укреплять эти отношения брачными узами. Филаиды (или лучше — Кимониды) пошли в этом отношении по тому же пути. Имя отца Мильтиада — Кипсел — напоми-

¹⁵ Herod., V, 71; Thuc., I, 126; Arist., *Аθ. πολ.*, I; Plut., Sol., 12. Ср. L e d l, *Studien zur älteren athenischen Verfassung*, Heidelb., 1914, стр. 77 сл.; J a c o b y, *ук. соч.*, стр. 186 и 366, прим. 77; A. W. G o m m e, *A Historical Commentary on Thucydides*, I, Oxf., 1950, стр. 425 сл.; К. М. К о л о б о в а, *Древний город Афины и его памятники*, Л., 1961, стр. 41—44.

¹⁶ Килон был победителем в *δίαλος* (Moretti, *ук. соч.*, № 56).

нает о коринфском тиране, с которым Кимониды были связаны, по-видимому, по женской линии¹⁷.

Мильтиад, происходя из дома, содержавшего четверки для состязаний, одержал победу в Олимпии. После этого он жил в Афинах, тяготясь властью Писистрата и желая удалиться оттуда.

Уейд-Гери (ук. соч., стр. 219) объясняет это тем, что и Мильтиад и Писистрат принадлежали к неэвпатридским фамилиям и к одной и той же партии гиперакриев, что между ними было соперничество, как между лидерами одной и той же политической группировки. Но нам ничего не известно о принадлежности Мильтиада к этой группировке, кроме того, что он был родом из Брауропа, как и Писистрат. Этого одного недостаточно, тем более, что Кимониды, по-видимому, давно переселились в «равнину» πεδίο, реформа Клизфсна застала их в деме Лакиады (Arist., v, Αθ. πολ., 26,3). Конечно, Мильтиад, как один из представителей богатого и знатного рода (Herod., VI, 35: ἐδυνάστευε), мог смотреть с неудовольствием на тирана, пользовавшегося «всею властью», но, помимо этого, очевидно, сыграла роль и его победа в Олимпии, после которой его пребывание в Афинах стало для обоих неудобным.

Судьба свела Мильтиада с долонками (одним из фракийских племен), вожди которых (Herod., VI, 34: τοὺς βασιλεῖας), побывав в Дельфах и возвращаясь на родину, прибыли в Афины. Вняв их просьбе — стать основателем колонии — и посоветовавшись с Дельфийским оракулом, Мильтиад отплыл в Херсонес вместе с афинянами, пожелавшими принять участие в экспедиции, и долонками, пригласившими его. Там он стал править в качестве тирана, помогая Херсонесу в борьбе с окрестными племенами (VI, 34—36).

Поучительно проследить дальнейшие взаимоотношения Кимонидов и Писистратидов. Мильтиад, сын Кипсела, умер бездетным и передал «власть и деньги» Стесагору, сыну Кимона, единоутробного брата Мильтиада. Со времени смерти Мильтиада херсонесцы приносили ему подобающие жертвы как ойкисту и устраивали конные и гимнастические состязания. Стесагор погиб через несколько лет во время войны с лампсакинами (Herod., VI, 38).

В Афинах, очевидно, еще при жизни Стесагора разыгрались драматические события с отцом Стесагора Кимоном. Кимон после того, как Писистрат изгнал его из Афин, одержал победу на колесницах в Олимпии. Он ее передал своему брату Мильтиаду. Может быть, с этим и было связано переселение последнего в Херсонес. После второй победы Кимона, которую он передал Писистрату, оказалось возможным его возвращение в Афины. Но когда он в третий раз стал олимпийцем (уже после смерти Писистрата) и на этот раз не «передал» своей победы сыновьям афинского тирана, он был убит ночью из засады около притания и похоронен по ту сторону дороги, называемой «дорогой через лощину».

В Афинах остался сын Кимона Мильтиад, будущий герой Марафона. Гиппий временно сохранял хорошие отношения с ним, и Мильтиад был даже архонтом в 524/3 г., т. е. в те годы, когда Гиппий вел примирительную политику по отношению к наиболее знатым родам¹⁸. После смерти Стесагора Мильтиад на тризере был отправлен Гиппием в Херсонес. Писистратиды были заинтересованы в том, чтобы сохранять власть над важным в стратегическом отношении пунктом в области проливов. Мы не знаем, были ли при этом и другие соображения внутреннего порядка. Во всяком случае позднее Гиппий порвал с Мильтиадам и заключил союз с его врагами в Лампсаке (Wade-Gery, ук. соч., стр. 212 сл.).

¹⁷ H. T. Wade-Gery, 'Miltiades, JHS (1951), стр. 218, прим. 29.

¹⁸ SEG, X. № 352; ср. Wade-Gery, ук. соч., стр. 217.

Страстным ненавистником тирана (Писистрата) был Каллий (I), также победитель в состязаниях на колесницах в Олимпии. Он единственный отваживался покупать имущество Писистрата, когда афиняне конфисковали имущество во время изгнания тирана, и вообще учинял самые враждебные действия по отношению к нему¹⁹.

Олимпиоиком был и Алкмеон, который положил основу богатствам рода Алкмеонидов, якобы приобрета несметные сокровища на Востоке. Он первый из афинян одержал победу на колесницах в Олимпии (в нач. VI в.)²⁰.

В V в. до н. э. с победой демократии во многих греческих государствах, понятно, реальное значение победы в Олимпии изменилось. Но отголоски прежней традиции и политического значения этой победы сохранились.

Каллий (II), сын Гипоника, богатейший гражданин Афин, трижды был победителем в состязаниях на колесницах в Олимпии (Herod., VI, 122).

Сто лет спустя после Алкмеона мы встречаем нового победителя из рода Алкмеонидов, но уже не на Олимпийских, а на Пифийских состязаниях — Мегакла, сына Гипократа и внука известного политического деятеля VI в., противника Писистрата. Ему посвятил одну из своих од Пиндар. В ней он славит Мегакла и его предков (Pind., Pyth., 7). Поэт радуется новому успеху и скорбит о том, что зависть служит наградой за подвиги.

Другой Алкмеонид (по женской линии), Алкивиад, стремясь выдвинуться и усилить свой авторитет в Афинах, послал в Олимпию семь колесниц, «сколько не посылало прежде ни одно частное лицо», и одержал первую, вторую и четвертую победу²¹.

Чем же можно объяснить связь между победой в Олимпии и стремлением или возможностью захвата власти в родном городе? Для этого, очевидно, придется сделать небольшой экскурс в область вопроса о происхождении, сущности и значении олимпийских празднеств в VI в.

В упомянутой статье Уейд-Гери (стр. 219) имеется ценное соображение по вопросу о политическом значении привилегий, которыми пользовался олимпионик. По возвращении в родной полис он заседал в притане вместе с высшими должностными лицами государства, но в то время, как последние менялись год от года, он оставался. Однако одно это обстоятельство не может служить достаточным объяснением угрозы, которую чувствовал тиран со стороны олимпионика. Притом почести победителю были следствием, а не причиной его высокого положения в государстве.

Олимпионик, с точки зрения истории древнейших культов, представляет собою нечто подобное Rex Nemorensis: он царь-маг, обеспечивающий плодородие почвы, обусловленное таинственным взаимодействием неба и земли. Бег на колесницах носил первоначально ритуальный характер и, как это отразилось в мифах и сообщениях позднейших писателей, решал вопрос о том, кто будет басилевсом нового года (Олимпийские состязания были, вероятно, в древнейшую пору их существования ежегодными — Harrison, ук. соч., стр. 229 и 233).

Пусть эти представления уходят корнями в самое далекое прошлое, пусть, с другой стороны, Гардипер прав в своей критике воззрений антропологической школы в том отношении, что отдельные элементы Олимпийских празднеств далеко не всегда составляли единый комплекс и встре-

¹⁹ Herod., VI, 121... καὶ τὰ ἄλλα τὰ ἐχθιστα ἐς αὐτὸν πάντα ἐμψχανᾶτο.

²⁰ Herod., VI, 125; Isocr., XVI, 25; Moretti, ук. соч., № 81.

²¹ Thuc., VI, 16, 2... ἐνίκησα δὲ καὶ δεύτερος καὶ τέταρτος ἐγενόμην; Moretti, ук. соч., № 345.

чались в различных комбинациях, все же в возбужденной политической атмосфере VI в. до н. э. старинные обычаи должны были восприниматься по-иному, в связи с реальными отношениями эпохи, должны были найти новый отклик в сознании современников. Представление о том, что олимпиец является своего рода бациллом, оказалось неожиданно живучим в тот период, когда во многих городах Эллады власть сосредоточилась в руках единого правителя — тирана, с подозрением смотревшего на всех возможных соперников. С другой стороны, те неумеренные восхваления, которыми полны эпипикии Пиндара и Бакхилида, свидетельствуют, что победа в состязаниях не рассматривалась только как спортивное достижение, но имела живой религиозный и политический смысл.

Гэрисон (ук. соч., стр. 331 слл.) и Корнфорд выяснили основные элементы мифа и ритуала, связанных с наступлением нового года. Эти элементы следующие: 1. ἀγων. Победа в беге на колесницах решала вопрос о том, кто получит ветвь маслины и будет царем. 2. κῆδος — смерть царя-предшественника, о которой возвещал вестник (ἄγγελος), после чего следовало оплакивание (θρήνος). 3. Триумфальная эпифания победителя или нового царя, сопровождавшаяся внезапным переходом от плача и жалоб к взрыву радости. Первый и третий элементы полностью сохраняются в VI в. Можно думать, что и второй элемент, хотя бы в измененной форме (в виде представления о возможности лишения власти прежнего правителя), должен был сохраниться в той или иной мере в традиции и оказывать влияние на умонастроение современников. Если Пелопс, согласно мифу, своей победой в состязании лишил власти и жизни Эномая, царя Элиды, то в VI в. подобную возможность стали относить к правителю того города, из которого вышел победитель.

В мифах (например, о Тесее — Plut., Thes., 22) вестник возвещает κῆδος смерти прежнего царя. На Олимпийских играх публичное провозглашение естественно относилось к новому победителю. Этот акт объявления через глашатая о том, кто явился победителем²² и из какого он города, имел решающее значение для дальнейших отношений олимпионика с тираном его полиса. Это видно из той формулы, которую сообщает Геродот, говоря о «передаче» победы Кимоном Коалемом Писистрату (VI, 103): παραδίδοι Πισιστράτῳ ἀνακηρύσσῃναι, т. е. он предоставляет (уступает) Писистрату (право) возвестить через глашатая (о победе). Отсутствие этого объявления после третьей победы в Олимпии и привело Кимона к гибели.

В схолиях к Пиндару (Ol., I, Ὑπόθεσις) мы читаем, что брат сиракузского тирана Гелона Гиерон, победив на Олимпийских состязаниях, объявил через глашатая (ἀνεκῆρυξεν), что он сиракузец и этниец, так как основал город, одноименный с знаменитой огнедышащей горой. Схолласт, рассуждая о характере стиха в 35-й строке первой оды и о перемени смысла фразы в зависимости от ударения, замечает: Гиерон не был сиракузцем в момент своей победы, но он основал Катану и дал имя городу Этне, почему его и называют этнийцем. Однако Дидим, прибавляет схолиаст, считал людей (которые так думают) наивными. Гиерон тогда был сиракузцем, а не этнийцем, как сообщает Аполлодор; другой же автор, Аристотель, считает достоверным, что Гиерон, будучи этнийцем, называл себя сиракузцем. Трудно разобраться в этой путанице, которая была таковой, очевидно, уже и для древнего истолкователя текстов. Но все же следует отметить два момента: 1) победитель, называя себя сиракузцем, в то же время является гражданином другого города (Этны); 2) это обстоятельство связано с актом основания города. Тогда делаются понятными до некото-

²² Победителем мог быть объявлен и не тот, кому принадлежали кони.

рой степени и отношения Мильтиада, сына Кипсела, и Писистрата (см. выше).

Об Астиле, родом из Кротона, одержавшем семь побед в Олимпии, Павсаний (VI, 13, 1) сообщает, что победитель объявил себя сиракузем из желания угодить тирапу Сиракуз (Гелону — Moretti, ук. соч., №№ 186—187, у Павсания ошибочно назван Гиерон). Разгневанные этим кротонцы низвергли статую, которую они ему ранее поставили, а его дом сделали тюрьмой.

Из всего того, что говорилось выше, видно, что олимпионики представляли некоторую угрозу для правящего в городе тирана. Выход из положения был различный: олимпионик мог передать свою победу правителю полиса, из которого он был родом, или даже тирану другого полиса; мог покинуть родину с тем, чтобы основать другой город и сделаться там тираном, или, наконец, тиран мог прибегнуть к насильственному устранению возможного претендента. Во всяком случае отрицать известное политическое значение победы на колесницах в Олимпии для VI—V вв. до н. э. едва ли возможно.

